

понимаемое как 'Г л у б и сотворения', может рассматриваться как довольно точная модель названия *Г л у б и н н о й к н и г и*, в которой эпитет *Глубинная* может даже быть переводом иран. *bun-* (< **budhn-*). Возможно, что именно этимологическая игра (кстати, весьма характерная и для Бундахишна⁸⁰) способствовала затемнению первоначального значения, а потом и его подмене: *глубинный* → *голубиный*⁸¹. Впрочем, идея названия Бундахишн могла бы быть выражена и средствами русского словаря, этимологически тождественными указанным иранским элементам, — **Буденная книга* или *Будней Деяние*⁸² (ср. *ḫmérai* в *Ḫméra* Гесиода).

Вяч. Вс. Иванов

РАЗЫСКАНИЯ

В ОБЛАСТИ АНАТОЛИЙСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ. 3—8

3. Хатт. *ḫa-prašš-* 'леопард' как источник хетт. *paršana-* и евразийск. названий барса, тигра

Благодаря хатти-хеттской билингве 412/б (СТН 726) Vs 30 а, б устанавливается тождество хатт. *ḫaprašš-un* и хеттского логографического написания *ŠA UG. TUR* 'леопарда, леопардово'¹. В хаттском слове выделяется не только суффикс *-(u)n*, но и префикс *ḫa-*, как и в формах типа *ḫa- p/wi-wina-n* 'среди людей' (в смысле 'на языке людей'), *ḫa-palkiy-an* 'из железа, железный' (в сочетаниях

⁸⁰ О чем ср. J. Darmesteter. *Le Zend-Avesta, traduction nouvelle avec commentaire*. I—III. Paris, 1892—1893.

⁸¹ Нельзя исключать, что сходный процесс мог быть пережит и в любопытном описании: Приходит к нему [Вавиле] . . . ангел. Г о л у б ь . . . прилетел с ангелом . . . Тебя Бог наградил, ты будешь Вавило-скоморох, г о л у б и н ы й б о г ! (см. Словарь русских народных говоров. Вып. 6, 1970, стр. 337). В некоторых вариантах Голубиной книги также появляется *голубь* с единственной целью — оправдать название текста. *Голубиный бог* этого отрывка типологически вполне мог бы быть аналогом др.-инд. *Ahi Budhnyā* 'Змей Глубин', понимаемому как божество, и, следовательно, допускать реконструкцию **Глубинный бог*. Разумеется, гипотетично.

⁸² К *будни*, *буденный* см. «Этимология 1974». М., 1976, стр. 12—13. Сам мотив Книги как собрания ответов на вопросы мироздания является характерной иранской идеей.

¹ A. Kammenhuber. *Das Hattische*. «Handbuch der Orientalistik», 1 Abt., 2 Bd., 1. und 2. Abschnitt, Lief. 2, Kleinasiat. Sprache. Leiden/Köln, 1969, стр. 479 (в транслитерации идеограммы опечатка). Камменхубер не выделила префикса *ḫa-* (ср. о нем там же, стр. 473, 491) в этой хаттской основе, которая пропущена и в индексе к книге, видимо, поэтому это слово до сих пор не обратило на себя внимания лингвистов.

ḥapalkiyan tetekuzzan 'железный очаг', *ḥapalkiyan kurkupal* 'железные гвозди' и т. п.), а также в параллельных вариантах *ḥa-zuliya-n* (KUB XXVII 80 I 5) и *ḥa-zuliya-* (там же, I 20, 32) и в форме *ḥa-šaḥḥašk-in*². Именной префикс *ḥa-*, иногда определяемый как локативный (*ḥa-i-waib* 'в наш дом'³), в наиболее ясных примерах имеет собирательно-притяжательное значение (*ḥa-wa-šḥar* 'среди богов' в смысле 'на языке богов'), чем, видимо, и объясняется наличие *ḥa-* в форме *ḥa-prašš-un* 'леопардово', которая могла относиться ко множеству из двух (или более) леопардов, при отсутствии этого префикса в параллельной форме *takeḥa-un* 'льва, львиное' (возможно, от слова другого именного класса) в той же билингве (29a, b, хеттское логографическое написание SA UR. MAḤ).

Почитание леопарда в культуре хатти непосредственно продолжает значительно более древнюю туземную малоазиатскую традицию, засвидетельствованную еще в VII—VI тысячелетиях до н. э. в Чатал Гююке, где культ этого животного — чаще всего двух леопардов — отмечается в качестве одной из наиболее характерных черт, отраженных на значительном числе храмовых фресок и скульптур⁴; культовые изображения двух леопардов известны и на более поздних памятниках западной Малой Азии, хронологически соотносимых с Троей II⁵. Собирательный харак-

² И. М. Дунаевская. Протохеттский именной суффикс косвенного дополнения. — ВДИ, 1964, № 1, стр. 104.

³ H. S. Schuster. Die hattisch-hettitischen Bilinguen I. Einleitung Texte und Kommentar. T. 1. Leiden, 1974, стр. 96, 97. Ср. локативное *ḥa-* в отглагольных формах типа хатт. *ḥa-n-wa-šwit* (хетт. *Ḥalmašwitt-*) 'престол', 'то, на чем сидят'.

⁴ J. Mellaart. Excavations at Chatal Hüyük. AS, vol. XII—XVI. London, 1962—1966; Он же. Earliest civilizations of the Near East, London, 1965. См. также популярное изложение и воспроизведение некоторых существенных иллюстраций: Б. Брентъес. От Шанидара до Аккада. М., 1976, стр. 76, 77, 82, 83, 84, 85, 87, 97, 120, 212 и рис. 33 (где животные обычно интерпретируются как леопарды), 34. Связь религии хатти с древнеанатолийской традицией, представленной в Чатал-Гююке, отмечается как в центральном образе богини плодородия (иногда изображаемой с двумя леопардами как ее атрибутами), так и в ритуальной роли пчел как ее символов, см. о позднейших продолжениях как этой древнемалоазиатской мифологии, так и связанной с теми же мифологическими именами (типа хатт. *Talipin, Talipinu*) традиции ритуального почитания мышей и землероек (характерного уже для Чатал Гююка, где они связывались с погребениями жриц): В. Н. Топоров. К объяснению некоторых славянских слов мифологического характера в связи с возможными древними ближневосточными параллелями. «Славянское и балканское языковедение. Проблемы интерференции и языковых контактов». М., 1975, стр. 28—44.

⁵ См. изображения железного меча III тысячелетия с головами двух леопардов на рукоятке: J. Mellaart. The royal treasure of Dorak a first and exclusive report of a claudenstine excavation which led to the most important discovery since the royal tombs of Ur. «Illustrated London News». 18. XI, 1959; Y. Yadin. The art of warfare in biblical lands. London, 1963, стр. 145; Г. Е. Арешян. Первые железные изделия Ближнего Востока и Балканского Полуострова. «Вестник общественных наук» Арм. ССР, Ереван, 1975, № 12, стр. 94 (и рис. 1).

тер хеттской формы *ḫa-praššun* 'принадлежащий к леопардам', засвидетельствованной в мифе о строительстве домов (храмов) Богом Солнца, согласуется с этой древнемалоазиатской традицией почитания двух (и более) леопардов.

Специфической чертой культовых изображений в Чатал Гююке является мотив пляски человека в леопардовой шкуре. Наиболее близкие аналогии можно обнаружить в таких африканских культурах, где в ритуальных танцах выступает человек, наряженный леопардом⁶. Напротив для Древнего Ближнего Востока танец людей-леопардов настолько нехарактерен, что встречающееся в хеттском ритуале К Во X 23 III 3 предложение *ni par-ša-ni-lit ar-ú-i-eš-kán* [-zi] 'и они пляшут по-леопардовски' заставили такого специалиста, как Гётце, усомниться в правильности понимания хетт. *paršana-* 'леопард'⁷. Но в свете сравнения с древнемалоазиатской традицией представляется необходимым вернуться к этому переводу, подтверждаемому и чередованием *paršana-* с логограммой UG.TUR 'леопард' в совпадающих частях ритуала К Во III 8 III 9 и 27, и соответствием *ni-ib* = AZ x KAL 'леопард' = *ni-im-ru* = *pár-š* [a-na-aš] в шумеро-аккадско-хеттском словаре К Во I 562⁸. Хетт. *paršana-* несомненно заимствовано из хатт. (*ḫa-*)*prašš-*, причем весьма ранняя дата заимствования представляется вероятной именно ввиду отсутствия передачи хаттского префикса *ḫa-*, что было возможно в период хаттско-хеттского двуязычия (приблизительно до рубежа III и II тысячелетий до н. э.).

С гипотезой о заимствовании названия леопарда из хатти в хеттский согласуется ритуальная значимость этого животного, свидетельствуемая уже древнейшей хеттской надписью царя Анитты (KUB XXVI 71, 9), где леопард (UG.TUR) назван рядом со львом (UR.МАЃ), как и в хатти-хеттской билингве и в уже цитированном ритуале К Во III 8 (где участники обряда танцуют «по-леопардовски»). Два альтернативных объяснения соответ-

⁶ J. H. D r i b e r g. The Lango, 1923, стр. 243 и след.; А. М. Н о с а r t. Kings and councillors. Chicago, 1970 (2 изд.), стр. 54—55, 257, прим. 21. К африканской символике леопардов ср. «о вождях в леопардовых шкурах»: Е. Е. Е v a n s - P r i t c h a r d. The Nuer. New York, 1940. Ср. о боре-леопарде: W. D. H a m b l e y. Serpent worship in Africa. Chicago, 1931, стр. 13. М. R u e l. Leopards and Leaders. Constitutional politics among a Cross River People. London, 1969.

⁷ А. G o e t z e [Рец.]: Н. G. G ü t e r b o c k und N. O t t e n. — К Во X. JCS, vol. XVI, 1962, № 1, стр. 29.

⁸ В. L a n d s b e r g e r. Die Fauna des alten Mesopotamien nach der 14. Tafel der Serie HAR, RA = ḫubullu (Abh. d. Sächs. Akad. d. Wiss. Phil.-Hist. Kl., Bd. 42, N 6). Leipzig, 1934, стр. 76, примеч. 4; F r i e d r i c h, стр. 163 (там же о связях с другими языками). Предположение о субстратном характере слова высказывается также в: Н. К р о п а s s e r. Étymologie der hethitischen Sprache, I. Wiesbaden, 1962, стр. 183, но хаттское слово оставалось неизвестным обоим исследователям. Суффикс *-na-* может быть либо хеттской передачей хат. *-(u)n*, либо (что более вероятно) собственно хеттским, ср. *ullip-ana-* 'волк' (из **wl̥k^w/wl̥p-*) и т. п.

ствующего места надписи Анитты — как описания охоты или создания зверинца и как перечисления «животных богов»⁹ — могут быть объединены благодаря типологическому сравнению с теми же африканскими ритуалами, предусматривающими наличие у царя ритуальных леопардов, хранимых при дворце особыми должностными лицами¹⁰.

Ритуальное истолкование последовательности животных в надписи Анитты подтверждается совпадением с ритуалом К Во III 8 III 9—11, где повторяется та же последовательность леопардов, а горный козел или дикая овца (DÀRA.MAŠ) не следует за ними (как в надписи Анитты), а предшествует им¹¹.

Из архаичных хеттских текстов с вероятным хеттским оригиналом сочетание культовых символов леопарда и льва, сходное с хаттско-хеттской билингвой встречается в царском ритуале XXIX I в обряде, где кладут вместе зуб льва и леопарда (II 28—30) и в предшествующем обращении к деревьям (I 28—30): UR.MAḤ-aš kat-ta-an še-eš-ki-it UG.TUR-aš-ma-aš kat-ta-an še-eš-ki-it har-tág-ga-aš-ma-aš-ma ša-ra-a ar-ki-iš-ki-it-ta 'Лев/львица спала как наложница. Леопард спал с вами как наложница. А медведь на вас вскочил' (хетт. *ark-* родственно греч. ὄρχις 'яичко', русск. *ёрзать*)¹². Символика плодородия, выраженная в этом месте ритуала, сравнима с системой образов, реконструируемых историками культуры по археологическим данным для Чатал Гююка, с тем существенным отличием, что у хеттов (как вероятно уже и у хатти) вместо пары леопардов часто выступает образ двух разных животных — леопарда и льва, в свою очередь включаемых в ряд мифологических животных. Широкое распространение этой ритуальной и мифологической схемы в областях сопредельных с Малой Азией, свидетельствуется древнеармянским текстом Моисея Хоренского, где говорится о трех близнецах, рожденных из мифологических животных — льве (др.-арм.

⁹ Г. Г. Гиоргадзе. «Текст Анитты» и некоторые вопросы ранней истории хеттов. — ВДИ, 1965, № 4, стр. 98. Само выражение «животный мир богов» (хетт. *šiu-naš ḫuitar*) аналогично *gimraš ḫuitar* 'животный мир полей', которое имеет источник в аккедской и шумерской религиозной литературе, но употребление *šiu-na-* в значении 'дикий' соответствует балтийскому и славянскому, см. об этом подробнее в особой работе.

¹⁰ N. Melzian. Zum Festkalender von Benin. «Afrikanistische Studien», hrsg. von J. Lukas. Berlin, 1955, стр. 103, там же см. о титуле 'леопард дома', относимом к правителю.

¹¹ См. перевод в кн.: В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Исследования в области славянских древностей. М., 1974, стр. 131. — Как установил В. Г. Ардзинба, третьим текстом, в котором в ритуальном контексте сочетается дикая овца и лев, является мифологический отрывок в ритуале KUB XII 62 I 16—17. В. Г. Ардзинба. Заметки к текстам хеттских ритуалов. ВДИ, 1977, № 3, стр. 122.

¹² J. Puhvel. Lexical and etymological observations on Hit. *ark-*. JAOS, v. 95, 1975, № 2, стр. 263—264; C. Watkins. The Indo-European family of Greek ὄρχις: linguistics, poetics, and mythology. «Into-European Studies II». Cambridge, Massachusetts, 1975, стр. 508 и 518.

ariwcu), барсе (др.-арм. *энси, инз*, родственное др.-инд. *siṁha-* 'лев'¹³) и драконе и отправившиеся соответственно в разные части света — на запад, север и к границам Мидии¹⁴.

Соотнесение мифологических животных, одним из которых был леопард (тигр или барс) с четырьмя сторонами света и соответственно с четырьмя членениями временных циклов, объединяет такие системы символов, как упомянутые выше африканские, с южно-азиатскими, в частности, древнейшей протоиндийской (в Мохенджо Даро), для которой характерна четверная система тигр — носорог-слон-буйвол¹⁵. К подобным классификационным системам восходит и та система обозначений годов в составе двенадцатилетнего (12-4.3) животного цикла, в которую в древнетюркском ее варианте входит др.-тюрк. *bars (jil)* 'год тигра'¹⁶. Др.-тюрк. *bars, bārs* 'тигр' (откуда и русск. *барс*), обычно рассматриваемое (как и монг. *bar, bars* 'тигр', 'барс') в качестве древнего иранского заимствования¹⁷ (перс. *pārs, fārs* 'пантера'),

¹³ А ч а р я н П, стр. 243. Мнение о заимствовании этого слова в армянский из индийского (Г. А. К а п а н ц я н. Историко-лингвистические работы, II. Ереван, 1975, стр. 237; В. П о р ц и г. Членение индоевропейской языковой области. М., 1964, стр. 240, ср. В. В. И в а н о в. Новая литература о диалектном членении общеиндоевропейского языка. «Вопросы языкознания», 1956, № 2, стр. 116): ставится под сомнение в виду обнаружения иранских соответствий.

¹⁴ С. W a t k i n s. Указ. соч., стр. 519 и след. Мотив трех близнецов скорее всего является индоевропейским, так как он повторяется в древнеирландском мифе о трех братьях, для которого обнаруживается параллель и в индийском (G. D u m é z i l. Mythe et epopée. Types épiques indo-européens; un héros, un sorcier, un roi. Paris, 1971, стр. 346 и след.), а также в восточно-иранском (осетинском) и общекавказском мифе о 100 (10.10) братьях-нартах и в хеттском мифе о 30 (3.10) близнецах-детях царицы Несы, см. В. В. И в а н о в. К семиотической теории карнавала как инверсии двойных противопоставлений. «Труды по знаковым системам», VIII. Тарту, 1977. Образ бога на животном напоминает символику хуррито-урартской религии и древнеиндийских вахан. С рассматриваемым кругом представлений могут быть связаны и ранние истоки мотива «Витязя в барсовой шкуре» (груз. *vepxis t̄qaosani*), ср. в этой связи G. C h a r a c h i d z é. Le système religieux de la Géorgie païenne. Paris, 1968, стр. 537—543 (предлагаемая в этой работе этнографическая интерпретация позволила бы дать типологическое сравнение с африканскими тайными обществами людей-леопардов, ср. R. P e a r s o n. Introduction to Anthropology. New York, 1974, стр. 252); О. М. Ф р е й д е н б е р г. Поэтика сюжета и жанра. М.—Л., 1936.

¹⁵ В. В. И в а н о в. Бинарные структуры в семиотических системах. «Системные исследования». М., 1972, стр. 231; О н ж е. Найдавнишні форми людської культури та їх відображення у первісному мистецтві. «Всесвіт», 1976, 6 (570), стр. 195; Ю. В. К н о р о з о в. Классификация протоиндийских надписей. «Сообщения об исследовании протоиндийских текстов. Proto-Indica; 1973». М., 1975, стр. 11.

¹⁶ Древнетюркский словарь, стр. 84—85.

¹⁷ Н. К. Д м и т р и е в. Строй тюркских языков. М., 1962; Б. Я. В л а д и м и р ц о в. Mongolica. — ЗКВ, стр. 331—332 (5); О н ж е. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия. Л., 1929, стр. 341. Ср. также Н. Н. П о п п е. Монгольский словарь Мукаддима Ал-Адаб, ч. I—II. М.—Л., 1938, стр. 402, 433; Фасмер I, стр. 128 (с дальнейшей литературой).

через иранский должно восходить к тому же западно-азиатскому источнику (в конечном счете древнемалоазиатскому), что и хетт. *paršana*-‘леопард.’ Но при западно-иранском *pārs*- в восточно-иранском представлена, как и в индийском и греческом, параллельная форма того же миграционного термина с *-d-* (а не с *-s-*) после *-r-*: согд. *prwḍak* ‘леопард, пантера’, афг. *prāng*, др.-инд. *prḍāku* (у лексикографов¹⁸), греч. *πόρδαλις* (*πάρδαλις*), *πάρδος*.¹⁹ По-видимому, источник этого слова содержал фонему (передаваемую сдвоенным *-šš-* в клинописной передаче хатт. *ḫapraššun*), которая в равной мере могла быть передана как посредством *-s-* (в хеттском и западно-иранском, откуда и другие евразийские формы, а в конечном счете и русская), так и посредством *-d-*; возможно, что речь идет о межзубном щелевом типа [θ] или [ð].

4. Лик. $\chi\theta\theta\alpha$ из хурр. *kate* ‘зерно’

Лик. $\chi\theta\theta\alpha$ < *ḫadahi* возводится Г. Нейманом к той же основе *ḫad(a)* ‘злаки, зерно’, которая ранее была им же установлена на основании лик. *ḫada-wati* ‘богатый зерном’ и топонима *Κάδρεμα*, толкуемого как *σίτου ὄρυγμός*²⁰ (ср. распространенное этимологическое объяснение первой части названия Клайпеды²¹ со сходной внутренней формой и т. п.). Это ликийское название зерна может быть возведено к хурр. *kate* ‘зерно’, известному из угаритского словаря (II 10)²², из чего следует, что население позднейшей Ликии заимствовало этот хурритский термин в свой лувийский диалект еще в период хуррито-лувийского симбиоза времени Новохеттского царства. Хурритский термин, как недавно установлено²³, обнаруживает несомненное сходство с хатт. *kait* ‘зерно’, в хеттско-хаттских обращениях к богам, выступающим в качестве слова, равнозначного хетт. *ḫalki*- ‘зерно’²⁴ (для последнего предпола-

¹⁸ M a u g h o f e r II, стр. 301. Персидская форма того же термина *palang* ‘барс’ заимствована в ряде восточно-иранских языков: осет. *fərank/fəlanĕ* ‘барс’, ‘леопард’ (А б а е в I, 450), вахан. *pəlang*, ишкашим. *pəlang* (Т. Н. П а х а л и н а. Ваханский язык. М., 1975, стр. 242). Напротив, сар. *pis* ‘барс’, ‘леопард’ (Т. Н. П а х а л и н а. Сарыкольско-русский словарь. М., 1971, стр. 130) должно восходить к форме типа перс. *pars*.

¹⁹ F r i s k II, стр. 473; E. J. F u r n e e. Die wichtigsten konsonantischen Erscheinungen des Vorgriechischen. The Hague-Paris, 1972, стр. 252, 64, 65, примеч. 267, 277.

²⁰ G. N e u m a n n. Beiträge zum Lykischen V. «Die Sprache», Bd. 20, 2, 1974, стр. 113—114.

²¹ В u g a I, стр. 551, II, стр. 231, III, стр. 855.

²² E. L a r o s h e. Teššub, Ḫebat et leur cour. JCS, v. 2, 1948, № 2, стр. 117, примеч. 24.

²³ V. H a s. Die Stellung der Hurritologie innerhalb der altorientalischen Philologien. «Das Hurritologische Archiv», Berlin, 1975, стр. 23.

²⁴ E. L a r o s h e. Hattic deities and their epithets. JCS, v. 1, 1947, № 4, стр. 213. Прямое сопоставление ликийского слова с хаттским исключается в виду отсутствия преемственности между этими традициями. То обстоятельство, что божество ^dḪalki может называться хаттским именем (*kait*) объясняет, почему в KUB XX 99 III 3 след. его поют хаттские певцы,

гается фонетически спорная²⁵ индоевропейская этимология, основанная на сближении со славянским названием злака, русск. диал. *зелок* 'молодая трава'). Продолжение в позднеанатолийской традиции хурритского, а не хеттского названия зерна, может представлять интерес и для сопоставления с данными египетских источников о нехватке зерна в Малой Азии перед крушением Новохеттского царства²⁶. Зерно в голодающую Малую Азию направлялось в конце XIII в. до н. э. как из Египта, так и из Угарита, часть населения которого была хурритской.

5. Хетт. *šarpa-* и индоевропейские названия серпа

Хетт. *šarpa-* является названием сельскохозяйственного орудия, называемого рядом с плугом и в некоторых случаях обоже- ствлявшегося вместе с этим последним, как это показывает упоминание названий обоих орудий в списке божеств (KUB X 92 V 13). О сельскохозяйственной функции может свидетельствовать упоминание ^{GIS} *šarpa-* в контексте перечисления, где говорится о вспаханном поле (V Во Т. 24 III 14 след.). Орудие состоит из деревянной части (на что указывает детерминатив), которую в ритуале сжигают, и части металлической. Разные случаи, где встречается название этого сельскохозяйственного орудия, согласуются с таким его пониманием²⁷. Наибольшие трудности в объяснении

ср. Н. O t t e n. Beiträge zur grammatikalischen und lexikalischen Bestimmung des Luwischen, Berlin, 1953, стр. 118, прим. 5. Это же очевидно, в мифе о Телепинусе, в котором *halki-*, как и собственно хетт. *Mayanda-zipa-* 'Божество урожая' (где *zipa*, родственное русск. *особа*, переводит хатт. *kattaḫ-* 'царица', ср. хетт. *Kamru-šera* = хатт. *Kattaḫ-zifuri*) вставлена в перечисление хатт. божеств (ср. также сочетание 'зерно и вино' (*halkeš* GĒSTIN 𐎠. A) в наставлениях XXVI 8). Согласно богазкейским текстам 2463/c Vs. 15 и Во 2879 II 25 (Н. O t t e n. Pirva — der Gott auf dem Pferde. JKF, Bd. II, H. 1, 1951, стр. 66, 73, примеч. 28), *Halki* принадлежит к числу хеттских богов. Поэтому гипотеза Зоммера и Фридриха (F r i e d r i c h, стр. 47, ср. также R. G u s m a n i. Il lessico ittito. Napoli, 1968, ср. 29—30) о хурритском происхождении слова (в хурритском имеющего совершенно другой смысловой эквивалент — *kate*) не может быть принята. Ср. также с хетт. *halu-u-eššar* 'урожай': E. L a r o s h e. [Рец.]: F r i e d r i c h. — RA, v. XLVII, № 1, стр. 41.

²⁵ См. о подобных этимологиях, предполагающих соответствие хетт. *ḫ-* и начального заднеязычного (в данном случае палатального *g^h) в других индоевропейских языках: Т. В. Г а м к р е л и д з е. Передвижение согласных в хеттском (неситском) языке. «Переднеазиатский сборник». М., 1961, стр. 240—243. О русск. *зелок* см. О. Н. Т р у б а ч е в. Славянские этимологии, 29—39. «Этимологические исследования по русскому языку», вып. II. М., 1962, стр. 36—37.

²⁶ G. A. W a i n w r i g h t. Menepthah's aid to the Hittites. «The Journal of Egyptian Archaeology», vol. 46, December 1960, стр. 24—26 (хронология части хеттских источников, упоминаемых автором, подверглась пересмотру).

²⁷ O. R. G u r n e y. Hittite prayers of Muršiliš II. «University of Liverpool. Annals of archaeology and anthropology», v. XXVII, стр. 90—91 (отмечается там же использование орудия, выложенного золотом, объясняется ритуальной его ролью); L. J a k o b - R o s t. — «Mitteilungen des Instituts für Orientalforschung», Bd. IV. Berlin, 1956, стр. 338—340.

смысла слова вызывала архаическая ритуальная формула, встречающаяся уже в среднехеттской молитве во время чумы (ок. XV в. до н. э.) и повторяемая в аналогичной новохеттской молитве Мурсилиса II (XIV в. до н. э.). После просьб о прекращении в стране смерти, уносящей все население, автор молитвы рисует картину будущего: *našta*^{URUD} *ZI. KIN. VAR-aš* (^{URUD} *šepikkuš-taš*)^{GIŠ} *šarpaz kinkueni* 'И мы серпом навесим бронзовые замки (или пряжки)'²⁸. В согласии с хеттологами, предполагающими здесь наличие метафоры, в этих словах можно видеть отдаленный прообраз позднейшего символа косы в руках у Смерти; конец чумы знаменуется тем, что серпом вешают замки (ср. ритуальную роль серпа в славянских сельскохозяйственных обрядах).

Согласно вышеизложенному, в хетт. *šarpa-* 'серп', 'коса' (?) можно видеть точное соответствие таких названий серпа в других индоевропейских языках, как праслав. **sъrръ*²⁹, русск. *серп*, болг. *срѣн*, чеш. *srp*, лтш. *sirpis*³⁰, греч. *ἀρπη* 'серп', осет. *æxsyrf* 'серп' при дальнейших родственных основах в других индоевропейских языках (с несколько отличным значением лат. *sarpiō*, *sarpō* 'режу', др.-в.-нем. *sarf* 'режущий, острый'; с другой суффиксацией — др.-инд. *शृण्* 'серп'). Хеттский язык, по-видимому, еще сохранял внутреннюю форму этого существительного, соотносившегося с глаголом *šarra-* 'разделять, разламывать', так же как *was-pa* 'одежда' соотносилась с *weš-* 'одевать(ся)'.

Предлагаемая этимология согласуется со значительным числом выявленных в последнее время хеттских терминов сельского хозяйства, имеющих индоевропейские этимологии³¹.

6. Хетт. *šamal-w-ant* — 'яблоня' и индоевропейское название яблока

Чередование логограммы ^{GIŠ} *ḪAŠUR-lu-wa-an-za* 'яблоко' и фактического написания *ša-ma-lu-wa-an-za* в К Во XVI А 16/С 18 позволяет установить значение хетт. *šamalu(w)-ant-* 'яблоня' (форма

²⁸ О. Р. Г у г н е у. Указ. соч., стр. 28, С II 23. — К пониманию грамматической структуры ср. также F. J o s e p h s o n. The sentence particles of Old and Middle Hittite. Uppsala, 1972, стр. 293, 298.

²⁹ Ср. о группе слов, в которую входит этот термин: О. Н. Т р у б а ч е в. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, стр. 383; В. Ш а у р. К вопросу о реконструкции праславянских названий месяцев. «Этимология. 1971». М., 1973, стр. 96.

³⁰ В u g a II, стр. 564; M ü h l e n b a c h - E n d z e l i n III, стр. 847; Р о к о г н у, стр. 911, 912; Ф а с м е р III, стр. 610.

³¹ В. В. И в а н о в. Общиневропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965, стр. 87—88, примеч. 101, 102; В. Р о с е н к г а н z. Zu einigen landwirtschaftlichen Termini des Hethitischen. «Jaarbericht von het Vooraziatisch-Egyptisch Genootschap «Ex Oriente lux», № 19 (1965—1966), Leiden, 1967; С. W a t k i n s. An Indo-European agricultural term: Latin *ador*, Hittite *ḫat*. — «Harvard Studies in Classical Philology», v. 77, 1973, стр. 187—193; О н ж е. Latin *ador*, Hittite *ḫat* again. «Indo-European Studies II». Cambridge, Massachusetts, 1975, стр. 367—378.

одушевленного рода, ср. также ^{GIS}ḤAŠḤUR-*an-za* в KUB XXXIII), которая образована посредством «активизирующего» суффикса *-nt-* от формы среднего рода (др.-хетт. *šamluwa-* ‘яблоко’³² (KUB XXVIII 8 Ro 2b36, K Bo III 46 Ro 12). Соотношение формы среднего рода названия плода и производной от него формы несреднего (одушевленного рода) соответствует общеиндоевропейскому принципу, сформулированному еще Мейе, что согласуется с обнаружением именно в хеттском языке лексического противопоставления среднего рода (древнего инактива) и несреднего (древнего актива) типа *watar* ‘вода’ и *ḥar-* ‘река’, ‘поток’ (в том числе как божество Реки, решающее судьбу человека при ордалиях)³³.

Хетт. *šamluw-(a)-* ‘яблоко’, вероятно, объяснимо при допущении развития *-bl-* < *-ml-* (ср. параллели в греческом и т. п.) из формы с начальным *s-* *mobile*, соотносящейся с древнеевропейским (славянским, балтийским, германским, кельтским, итальянским)³⁴ названием яблока (праслав. **āblu-*), так же, как хетт. *šanguiš* ‘коготь’ относится к лат. *unguis*,³⁵ а хетт. *šakuwa* ‘глаза’ к лат. *oculus*, лит. *akis* ‘глаз’ и т. п.

Форма, возводимая к корню **mal-* > ир. *mar-(na-)* представлена в памирских языках: пугн. *mīn*, рушан. *tawp*, язг. *tawp*, иш-кашим. *tepd*, сангл. *mel*, мундж. *amiŋga* при афг. (пуш.). *maṇa*. Вместе с тем структура иранских форм без суффикса — пехл. *tur*, перс. *mul*, заза *meroe*; вахан. *mīr* < **māl* — ‘яблоко’³⁵ позволяет предположить родство этого слова в конечном счете и с греч. *μῆλον*, лат. *mālum*, что позволило бы объединить все известные индоевропейские формы ‘яблока’, ‘яблоки’, объясняемые из **(s)m(ǵ)l-*. В свою очередь эта форма находит аналогии в ряде языков смеж-

³² E. L a r o c h e. [Рец.]. — K Bo XVI. OLZ, Jahrgang 66, 1971, N 3/4, стр. 149.

³³ A. M e i l l e t. Linguistique historique et linguistique générale, I. Paris, 1948. E. L a r o c h e. Fleuve et ordalie en Asie Mineure hittite. «Festschrift Heinrich Otten». Wiesbaden, 1973, стр. 186 и след.

³⁴ Ф а с м е р IV, стр. 539; M ü l e n b a c h—E n d z e l i n I, стр. 234; детально — P. F r i e d r i c h. Proto-Indo-European Trees. Chicago, 1970, стр. 57—64; ЭССЯ, вып. 1, стр. 45—46.

³⁵ Т. Н. П а х а л и н а. Ваханский язык. М., 1975, стр. 224. — Фонетически возможным кажется возведение к основе типа **amlu-* — ‘яблоко’ и вахан. *amrūd* ‘груши’ (см. об этом слове и значимости у ваханцев священного грушевого сада, аналогичной роли яблоневого сада в других индоевропейских традициях: И. М. С т е б л и н - К а м е н с к и й. Повседневная и ритуальная пища ваханцев. «Страны и народы Востока», вып. XVI, «Памир», М., 1975, стр. 194), язг. *maršd* ‘вид груши’ (Д. И. Э д е л ь м а н. Язгулямско-русский словарь. М., 1971, стр. 153). Другой (отчасти сходный) перенос значения можно было бы предположить в др.-инд. *amra-h* ‘манговое дерево’, *amra-m* ‘плод мангового дерева’, если это слово, как и ему родственные новоиндо-арийские, возводится к **aml-o* ‘яблоко’. Заимствованием из приведенных памирских форм объясняется и название яблока в бурушаски, в котором некоторые лингвисты вслед за Бергером (H. B e r g e r. Mittelmeerische Kulturpflanzen aus dem Burischaski, MSS, 9. München, 1956, стр. 27—34) видели источник индоевропейского.

ных ареалов (хатти *šaṣat*, картв. **yašl-*), которые с этой точки зрения рассматриваются в особой работе Т. В. Гамкрелидзе и автора.

7. Хетт. *anašša-* 'задний проход', лат. *ānus*

В ритуале Цуви KUB XXXV 148 (+VII 57) III 24 в перечислении частей тела (человека и собаки) *anašša-* следует за *iškiša* 'спина', предшествует *arraš* 'зад, ягодицы'³⁶. Однозначно определяемое этим значение 'задний проход' позволяет предположить гибридное хетто-лувийское образование с суффиксом *-ašša-* (ср. ³⁷ *Šakuwašša-* 'Богиня Глаз'³⁷ при *šakuwa* 'глаза') от основы, этимологически тождественной лат. *ānus* с тем же значением.

8. Хетт. *ma(r)mara* 'болото', лит. *mārės*

Для хетт. *marmar(r)a-*, ^{Giš} *tammarra-*, встречающегося в мифе о Телепинусе (KUB XVII 10 I 12), устанавливается значение 'болото', 'топь'³⁸, что позволяет отождествить корень этой редуцированной основы (с интенсивным) удвоением в *marmar-*, с нормальным удвоением в *tammarr-*) с основой лит. *mārės* (с тем же значением), гот. *marei*, лат. *māre* 'море', др.-ирл. *muir*, русск. *море*. Этот вывод представляет интерес как для уточнения ареальной принадлежности слова, ранее относившегося к лексике «западных» диалектов³⁹, так и для выяснения времени расхождения между диалектным значением ('болото', 'топь', 'пруд', 'озеро' в германских и балтийских языках, как и в хеттском, при значении 'море' в других языках и в части германских); с этой точки зрения существенна этимология хетт. *aruna* 'море'⁴⁰, родственного др.-инд. *arṇava* 'море'. Более раннее значение отражено также в осет. *mal* 'глубокая стоячая вода'⁴¹, арм. *mavr* 'болото'⁴², удостоверяющими сохранение в хеттском общеиндоевропейского семантического архаизма.

³⁶ Friedrich-Kamshuber, стр. 79.

³⁷ H. Otten. Die Gottheit Lelvani des Bogazköy-Texte. JCS, v. IV, 1950, №2, стр. 125; к типологии божества ср. M. Riemschneider. Augengott und Heilige Hochzeit. Leipzig, 1953; O. G. S. Crawford. The Eye Goddess. London, 1957; В. В. Иванов. Категории видимого и невидимого в тексте: еще раз о восточно-славянских фольклорных параллелях к гоголевскому «Вию». «Structure of texts and Semiotics of culture». The Hague-Paris, 1973.

³⁸ P. Friedrich. 3 Ergänzungsheft. Heidelberg, 1966, стр. 24.

³⁹ Chr. S. Stang. Lexikalische Sonderüberstimmungen zwischen dem Slavischen, Baltischen und Germanischen. Oslo-Bergen-Trømsø, 1972, стр. 68 и след. (с литературой); А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915, стр. XIII, примеч. 2.

⁴⁰ Ср. В. В. Иванов. Отражение индоевропейской терминологии близнечного культа в балтийских языках. «Балто-славянский сборник». М., 1972.

⁴¹ Абаев II, стр. 69.

⁴² M. Poetto. Due note lessicale etee. «Paideia» 28, 1973, стр. 177—178. С этой статьей, по выводам совпадающей с последним из разделов настоящей статьи, автор познакомился уже после ее написания благодаря любезному указанию О. Н. Трубачева.